

«НЕЯСНЫЙ ВРАГ»: ПОЧЕМУ НЕ УДАЛАСЬ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ В 1814 ГОДУ

Н.А. Могилевский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

К концу 1813 г. армия антинаполеоновской коалиции вышла к границам Франции. Перед Наполеоном стояла задача в кратчайшие сроки собрать новое боеспособное войско. Но её исполнение отягощалось катастрофическим состоянием французской казны, опустошённой непомерными военными расходами. В такой ситуации французскому императору было жизненно необходимо возбудить в подданных патриотическое чувство, которое заставило бы их взяться за оружие. В начавшейся пропагандистской войне коалиции против императора Франции, по сути, решался вопрос о том, вспыхнет ли на французской территории партизанская война, или её удастся избежать. Коалиционная пропаганда пыталась донести до населения Франции идею о том, что война ведётся только с Наполеоном.

В свою очередь, французский император апеллировал к национальному и патриотическому чувству сограждан, призывая их защитить завоевания революции от полчищ «северных варваров». В итоге, не сумев пробудить в французах патриотический порыв ни пламенными прокламациями, ни чисто административными мерами, Наполеон вновь возложил надежды на победу над врагом на поле боя. Союзники, опасавшиеся партизанской войны у себя в тылу, смогли без помех вести военные операции против французских войск, в конечном счёте вступив в Париж 19 (31) марта 1814 г.

Ответ на вопрос, почему революционно-патриотический порыв французов, на который надеялся император, не вылился в массовую партизанскую войну, состоит из нескольких пунктов. Прежде всего, налицо явный идеологический проигрыш Наполеона: он не смог доступно и убедительно объяснить нации, против кого и за что она должна сражаться. В отличие от французского императора, его враги это сделать сумели, неоднократно повторяя в прокламациях и личных беседах, что у них враг один — император Наполеон, а не французская нация, и целью войны является мир на континенте. В конечном счёте, сочетание этих факторов и послужило причиной того, что во Франции партизанская война так и не вспыхнула.

Ключевые слова: Наполеон I, Александр I, Франция, антинаполеоновская коалиция, партизанская война, патриотический подъём.

Кампания 1814 г. была для Франции предпоследней в длительной череде войн наполеоновской эпохи. Впервые за эту эпоху боевые действия велись не в далёких — испанских, немецких или русских — землях, а на территории самой Франции. На правом берегу Рейна стояла 500-тысячная армия шестой антинаполеоновской коалиции, вскоре начавшая движение вглубь страны. В последний раз столь грозная неприятельская сила собиралась у французских границ в 1793 г., в начале революционных войн. Тогда лишь невиданный патриотический подъём населения, ошеломивший неприятеля своей отвагой и яростью, уберёг республику от интервенции. Не последнюю роль в том успехе сыграла чрезвычайно эффективная пропагандистская кампания, развёрнутая якобинским правительством. В начале 1814 г., казалось бы, ситуация повторялась: враг стоял у ворот империи, Наполеон, ограниченный во времени и в средствах, в попытке разжечь пламя партизанской войны был вынужден обратиться к опыту революции. Но был фактор, не учтённый французским императором: различный «патриотический градус» настроений населения в 1793 г. и двадцать лет спустя. Тогда война виделась священным долгом каждого Гражданина (с большой буквы), встававшего грудью на защиту добытых в 1789 г. политических и экономических свобод. Спустя два десятилетия война превратилась в обыденное явление, и сражались в ней не Граждане, а рядовые солдаты, набираемые из этих граждан, то есть профессиональные военные. Конечно, мотив защиты революционных завоеваний присутствовал, но он нивелировался громогласными заявлениями неприятеля о том, что после свержения Бонапарта все экономические и политические свободы останутся неприкосновенными [5, с. 317]. Начавшаяся пропагандистская война поставила вопрос о политическом будущем империи, а также о личной судьбе самого императора и членов его семьи.

Возбудить в подданных патриотическое чувство, которое заставило бы их взяться за оружие, было совершенно необходимо, в первую очередь, ввиду плачевного состояния страны, обескровленной непрерывными наборами рекрутов: деревни опустели, в лесах прятались дезертиры, не желавшие становиться калеками в бессмысленных, с их точки зрения, военных авантюрах Бонапарта. Картина французской провинции никак не могла радовать глаз: «Коммунальные угодья, самые лучшие государственные леса были выставлены на продажу, но не привлекали покупателей. Даже деревни, крайне отдалённые от театра военных действий, были опустошены реквизициями зерна, фуража и тягловых животных» [15, р. 373]. Эта тяжёлая ситуация дополнялась страшной неразберихой во всех сферах жизни: «Все полученные из Франции письма и перехваченные письма полны жалоб на беспорядок и дезорганизацию во всех отраслях управления» [10, с. 444].

Не лучше обстояли дела и в армии. К середине декабря 1813 г. у Наполеона было 80 тыс. солдат, ещё 100 тыс. находились в Испании и около 25 тыс. в Голландии [15, р. 45]. Уставшие, деморализованные войска нуждались в отдыхе и доукомплектовании. Всерьёз стояла проблема дезертиров: на 1 декабря 1813 г. их количество равнялось 80 тыс. человек, так что Наполеон даже предписал военному министру Кларку расстреливать каждого десятого пойманного беглеца [18, р. 302]. Набрать за короткое время достаточное количество новобранцев и сплотить их в военную силу, способную выдержать бой с втрое превосходящим её по численности противником было задачей почти невыполнимой. Наполеон, стоит отметить, прекрасно это понимал: «Армия! Я буду очень счастлив, если через три недели от сего дня мне удастся собрать тридцать или сорок тысяч человек!» — признавал он в разговоре с префектом полиции Пакье [18, р. 131]. Однако сложные задачи только раззадоривали Бонапарта, заставляя работать с утроенной энергией. И вскоре он сумел удивить противников воскресшей из пепла армией.

Поскольку речь шла о самом существовании французской империи, приходилось не считаться с затратами. Сенатус-консульт от 15 ноября 1813 г. и декрет от 20 ноября 1813 г. дал императору новые 340 тыс. солдат [20, р. 348]. Понимая, что потребуется время на формирование из новобранцев полноценных боеспособных частей, французский император был вынужден срочно перебрасывать войска с других фронтов, в первую очередь из Испании [9, д. 4120, ч. 2, л. 288]. Наполеон реально оценивал сложившуюся ситуацию: «Если враг не переправится через Рейн до 1-го января 1814 г., то я успею, и план (по переброске войск из Италии и Испании — Н.М.) будет реализован точно в срок. Но если я буду атакован до Рождества, то окажусь застигнутым в самый разгар подготовки, которая будет из-за этого частично парализована» [13, р. 211]. К концу декабря 1813 г. французская армия всё ещё находилась в плачевном состоянии: «Ей не хватало обмундирования, недополученного из пошивочных мастерских Бордо, Тулузы, Нима и Монпелье. Кавалерия располагала лишь 900 сёдлами вместо необходимых пяти тысяч. Порции галет, мяса и водки, выдаваемые солдатам, были значительно урезаны. Военные госпитали мгновенно переполнялись» [12, с. 323].

Тяжёлая экономическая ситуация, сложности с комплектованием войск, стоявшая у французских границ огромная неприятельская армия — всё это неизбежно подталкивало Бонапарта к мысли о партизанской войне. Разумеется, как реалист и прагматик, император не мог не понимать, что партизанские отряды способны лишь потрепать вражескую армию, нарушить её коммуникации, в лучшем случае выиграть один-два боя. Впрочем, большего было и не нужно: народная война дала бы Наполеону то, чего ему катастрофически не хватало, — время. Существовал

и психологический эффект: угроза «народного бунта», который впоследствии мог перекинуться на их собственные государства, всегда пугала и австрийского императора и прусского короля, добавляя им сомнений в необходимости пересечения границы с Францией. Чтобы сплотить нацию вокруг себя, Наполеону требовалось найти нужные слова, объясняющие французам, чем так страшен враг, показать его «истинное лицо».

В подобной ситуации Франция оказывалась совсем недавно: после казни Людовика XVI европейские державы (Пруссия и Англия) объявили войну Франции и придвинули к её границам огромные армии. Тогда, в 1793 г., враг был ясен: европейская контрреволюция, готовая на любые жертвы, лишь бы затушить «революционный пожар» во Франции. Французам было понятно, против кого и за что они боролись. Это чётко формулировал Максимилиан Робеспьер, призывавший «довести до конца войну свободы против тирании» [6, с. 52]. Свобода против рабства, республика против монархий, свободные граждане против солдат-наёмников и крепостных, наконец, якобинцы против дворян-эмигрантов. В конце 1814 г. такая схема уже не работала: якобинская республика сменилась наполеоновской империей; свободные граждане, с оружием в руках защищавшие «свободу, равенство и братство», уступили место призывникам-конскриптам; в наполеоновских войсках были и вернувшиеся эмигранты. Содержание понятия «враг» размылось: французам было не вполне понятно, почему они должны рисковать жизнью, защищая императора и трон, на который враги Бонапарта решили вернуть законных королей (Бурбонов). Спустя 20 лет идеологические козыри, сыгравшие в 1793–1794 гг., были «биты». Более того, в ходе кампании в Германии в 1813 г. против французам с успехом применяли их собственное оружие, призывая немцев к освобождению от наполеоновского гнёта.

Немаловажным было и то обстоятельство, что в 1793–1794 гг. собирательный образ врага был ясен: бежавший из страны дворянин или прусский солдат, мародёр и ненавистник Франции, на чьём штыке дворянин планировал возвратиться в родные пенаты и покарать зарвавшуюся чернь. Но за годы империи французы привыкли к тому, что в их армии служат (точнее, пребывают на положении вассалов) контингенты из всей Германии: австрийцы, баварцы, пруссаки, баденцы и саксонцы. Конечно, до примирения с извечными врагами-немцами было очень далеко, но такого ужаса и ненависти, как при старом режиме, они уже не внушали. Да и эмигранты-роялисты уже не вызывали прежней «межклассовой розни». Отчасти это объяснялось привлечением дворян на службу, отчасти – возрождением нравов и традиций королевского двора (пышный церемониал, придворные чины, звучные титулы) при дворе Наполеона.

Впрочем, у Бонапарта оставалась беспроясненная «карта»: напомнить соотечествен-

никам об угрозе со стороны «полчищ северных варваров», то есть русских. В самом деле, страх (смешанный с любопытством) перед русской армией вообще, а перед казаками в особенности, был чрезвычайно велик. Боялись и ждали мести за разорённые русские города и сёла, за сожжённую Москву и поруганные храмы. После сражения под Люценом, в мае 1813 г., Наполеон в приказе напоминал своим солдатам о том, что «татарские орды сожгли свои деревни, города и даже собственную столицу, святую Москву», а «сегодня они пришли в наши пределы... чтобы проповедовать здесь восстания, анархию, гражданскую войну и преступления». Свои войска император называл «спасителями Европы», перед которыми в долгу Италия, Франция и Германия [14, Vol. XXV, p. 262–263]. Наметив в одном приказе, со свойственной ему лаконичностью и эмоциональностью, два важнейших идеологических аспекта борьбы (угроза «цивилизованной Европе» от «татар» и защита империи от анархии), Наполеон впоследствии был вынужден отказаться от их развития. К «русским варварам» к концу 1813 г. присоединились едва ли не все остальные государства «цивилизованной Европы», а поведение русских солдат в немецких землях, пусть и не всегда образцовое, но в целом более чем пристойное, завоевало им уважение и даже симпатии местного населения.

Таким образом, у Наполеона оставалось лишь одно средство для возбуждения народной войны: давление на чувство национальной гордости французов, привыкших к звону литавр и победному грохоту барабанов. Сначала Бонапарт прибегал к устрашающей риторике. «Польша, Польша, униженная, разделённая, уничтоженная, угнетённая, есть урок ужасающий и живой для Франции, которой угрожают те же державы», – взывал он, выступая в декабре 1813 г. в Законодательном собрании [15, p. 17]. Наполеон не устал напоминать французам о том, что «год назад вся Европа была за нас, сегодня вся Европа против нас». И единственное спасение в том, чтобы «вооружиться в случае вторжения, – тогда неприятель либо бежит из страны, либо подпишет выгодный для Франции мир» [1, оп. 468, д. 1384, л. 3]. В своей речи в Сенате 30 декабря 1813 г. Наполеон подчеркнул, что готов принять предложенные союзниками «позорные» условия мира, однако тогда Франция лишится Беарна, Эльзаса, Франш-Конте и Брабанта, и призвал «французов помочь французам» [1, оп. 468, д. 1384, л. 19]. Император ожидал, что соотечественники, возмущённые потенциальными территориальными потерями, потребуют от него не принимать унижительных условий и вести войну до победного конца. Расчёт не оправдался, поскольку большинством голосов (223 голоса «за», 31 «против») Сенат рекомендовал Наполеону принять предложения союзников. Ответ императора был красноречив: 31 декабря Законодательный корпус Франции был распущен [11, с. 180].

Когда стало ясно, что сыграть на национальной гордости невозможно, Наполеон решил возжечь пламя партизанской войны военными административными методами. К штабу каждой армии был прикомандирован генерал, отвечающий за вооружённое восстание на определённой территории [14, Vol. XXVII, p. 2]. Чтобы «руководить сбором ополчения и мерами по защите страны», во все департаменты были разосланы чрезвычайные комиссары. Их полномочия и круг обязанностей были весьма широкими: комиссары должны были набирать конскриптов, собирать для армии обмундирование, оружие, продовольствие, доставлять в войска реквизируемых лошадей, организовывать отряды Национальной гвардии [14, Vol. XXV, p. 536]. В середине января 1814 г. был издан секретный приказ Наполеона, предписывавший жителям оккупированных областей истреблять «всех до последнего солдат армии коалиции, и я обещаю вам счастливое правление», а гражданам от 16 до 60 лет быть готовыми к 1 марта вступить в армию. Строжайше запрещалось снабжать противника продовольствием и подчиняться его приказам. За отказ следовать этим распоряжениям грозил немедленный расстрел [1, оп. 468, д. 1591, л. 13–14 об.]. В занятые врагом восточные области для налаживания партизанской войны были отправлены специальные уполномоченные [14, Vol. XXV, p. 536]. Но, несмотря на пылкие призывы Наполеона и действия комиссаров, «обессилевшая Франция сначала встретила нашествие без возмущения» [5, с. 329]. И виновата тут была сама имперская администрация, из-за которой «занятые союзниками провинции были буквально разорены реквизициями» [там же].

Император Франции был умным и реалистичным политиком, понимавшим, что административные меры по организации народной войны не могли дать эффекта, на который он рассчитывал: «возвращения в 1793 год» с такими исходными данными произойти не могло. Нужна была сила более могучая, чем приказы населению и инструкции генералам. И такая сила, хоть и основательно самим Бонапартом надломленная, была. Окружение Наполеона советовало ему обратиться на свою сторону партию якобинцев, и «он на минуту было имел в мыслях последовать этому совету», вспоминал позже Буриенн [2, с. 279]. Сами якобинцы были готовы помочь своему притеснителю справиться с общей угрозой иностранного вторжения. Начало 1814 г. – короткий момент, когда стали возвращаться политические свободы, нагло задавленные режимом Бонапарта в предыдущие годы. «Вернувшиеся эмигранты, сплотившиеся якобинцы могли действовать довольно свободно, но были осторожны в речах», – вспоминал позже один из бывших эмигрантов Ипполит Оже [8, с. 51]. Наполеон шёл на это не от хорошей жизни: ему нужно было мобилизовать нацию, сплотить её перед лицом неприятеля, а для этого все средства были хороши. Или почти

все – в конечном счёте от помощи якобинцев и эмигрантов он отказался. Слишком непредсказуемая сила якобинского движения, неясность последствий и всегдашняя неприязнь Наполеона к черни (к «канальям», как он беззлобно называл простой народ) перевесила в нём желание разжечь подобным способом народную войну. «Это слишком; я могу найти спасение в сражениях, но не найду его у неистовых безумцев! Если я паду, то по крайней мере никак не оставлю Франции революции, от которой я её избавил» [2, с. 282].

Отказавшись сотрудничать с якобинцами и разослав приказы в восточные области Франции, Наполеон в скором времени покинул Париж и начал кампанию, оказавшуюся для него роковой. Выступая в поход во главе небольшой, наспех сформированной и не вполне обученной армии 19-летних мальчишек, великий полководец всё ещё надеялся на поддержку своего народа. Помощь в этом могли ему оказать противники: мародёрство было чрезвычайно распространено и в австрийских, и в прусских, и особенно в баварских войсках. Русские генералы с беспокойством доносили, что австрийские мародёры «шатаются по деревням», а их начальство не может с ними справиться. В итоге австрийский главнокомандующий Карл Шварценберг был вынужден несколько униженно просить русских казаков «собирать шатающихся солдат» и препровождать их к нему в штаб-квартиру [9, д. 4120, ч. 1, л. 44]. При этом австрийцы, зарекомендовавшие себя мародёрами ещё с осенней кампании 1813 г., уступали пруссакам, которые грабили, ломали и жгли всё, что попадалось под горячую руку. Рассказывают, что удручённый подобным зрелищем прусский генерал И. Йорк горько заметил: «Я думал, что имею честь командовать отрядом прусской армии; теперь я вижу, что командую только шайкой разбойников» [5, с. 329]. Не отставали от них и русские казаки, добавляя головной боли командующему русскими войсками Барклаю де Толли [4, с. 289–290]. Естественно, что местами в Лотарингии, Франш-Конте, Бургундии, Шампани и Пикардии «крестьяне вооружались вилами и старыми охотничьими ружьями ... и нападали на небольшие или только что потерпевшие поражение неприятельские отряды» [5, с. 331].

Наполеон, поверив было, что партизанская война уже не за горами, попробовал подлить масла в огонь, издав 5 марта 1814 г. известный фимский декрет, в котором констатировал, что «население городов и деревень, возмущённое притеснениями, которое оно претерпевает от врагов, в особенности от русских и казаков (курсив мой – Н.М.), берётся за оружие исключительно из чувства национальной гордости», чтобы нанести максимальный урон врагу, и приказывал считать предателем всякого, кто мешает народной борьбе с захватчиком [15, Vol. XXVII, p. 189–190]. Народное восстание, готовое вспыхнуть из-за чрезмерного увлечения пруссаками, казаками и баварцами содержимым сундуков

и лавок мирных жителей, казалось возможным не только Наполеону, но и его врагам. Прославленный партизан А.Н. Сеславин, в ту пору командовавший «летучим отрядом», с большим беспокойством делился своими соображениями с начальством: «Мир или решительные действия, иначе народная война во Франции, которой начало я уже почувствовал. Ретирада наша будет для нас гибельна; с отступлением нашим Наполеон повлечёт за собою сотни тысяч» [9, д. 4120, ч. 1, л. 329]. Впрочем, энтузиазм Бонапарта и нервозность его противников оказались скоротечны по причине стремительных изменений на театре боевых действий и эффективной контрпропаганды антифранцузской коалиции, внушавшей населению Франции, что союзные монархи воюют не с Францией, поскольку желают видеть её сильной и процветающей, а противоборствуют желанию Наполеона господствовать в Европе [1, оп. 468, д. 1378, л. 1]. Подобная риторика оказалась действенной, но ещё большую роль в том, что война против французской армии не превратилась в войну против французского народа, сыграла скорость, с которой союзники заняли Париж. 31 марта 1814 г. Париж сдался на милость победителям: восставать не имело смысла.

Ответ на вопрос, почему революционно-патриотический порыв французов, на который так надеялся их император, не обрёл реальных очертаний и не вылился в массовую партизанскую войну, состоит из нескольких пунктов. Главным, на наш взгляд, является идеологический проигрыш Наполеона: он не смог доступно и убедительно объяснить нации, *против кого и за что* она должна сражаться. Снова возвращаясь к параллели с 1793–94 гг., необходимо подчеркнуть, что тогда этот вопрос на повестке дня не стоял: французы сражались за *свою* республику против внешнего врага, желавшего эту республику уничтожить. Не стоит также сбрасывать со счетов особую прелесть и новизну вызова, брошенного революционной Францией остальной Европе: «К духу якобинства присоединилось галльское тщеславие», – тонко подметил Томас Карлейль [7, с. 501]. За двадцать лет наполеоновской эпохи французы променяли республиканские свободы на величие империи, и настолько привыкли скрещивать шпаги со всеми государствами Европы, что подобное соперничество их уже не привлекало, а скорее утомляло. Вообще, «французское общество было, если так можно выразиться, “пресыщено славой”, особенно с того момента, как война стала стоить слишком многих человеческих жизней, а также слишком больших денег» [15, р.

240]. Приучив подданных к победам, но отучив от гражданской самостоятельности, Наполеон оказался заложником собственной системы и уже тщетно взывал к революционной традиции защиты отечества с оружием в руках, им же задуманной вместе с другим «неблагонадёжным» наследием якобинской эпохи. Впрочем, следует отдать должное последовательности Наполеона: видя своей задачей избавление Франции от «ужасов якобинства», он отказался принять помощь якобинцев даже в критический для своей империи момент.

В отличие от французского императора, его враги сумели объяснить жителям Франции, за что и против кого они сражаются. Враг один — император Наполеон, но не французская нация, конечная цель – мир на континенте, который будет дарован всем, и в первую очередь самой Франции, уставшей от бесконечных войн. Эта позиция неоднократно повторялась в прокламациях и личных беседах (например, так говорил Александр I мэрам Парижа [3, с. 629]). Наполеон едва ли не единственный в своём окружении и во всей стране не желал подписывать «позорного мира» (под «позорным» понимался любой мирный договор не на его условиях). Желание мира было во Франции очень велико, его хотели и близкие Наполеону люди (А. Коленкур, Ж.-М. Савари), и высшие армейские чины [15, р. 233]. Население с каждым днём войны на территории Франции жаждало мира всё сильнее и сильнее. Проигнорированный Наполеоном «общественный заказ» на скорейшее заключение мира в лагере его противников был не просто услышан, но, сверх того, сформулирован и использован.

Доступная и убедительная риторика европейских монархов была принята французами. Поражение Бонапарта в пропагандистской войне, отмечаемое современными французскими историками [17, р. 501], стоило ему трона, поскольку, «не считая военных кампаний на севере и востоке Франции ... неприятель встретился с апатией и даже пособничеством» [12, с. 322]. Враг, появление которого у французских границ должно было всколыхнуть французов и заставить их взяться за оружие, так и остался без ярких идеологических «родимых пятен», позволивших бы определить и уничтожить его. Партизанская война велась в основном лишь на бумаге, в приказах и воззваниях Наполеона. Судьба кампании 1814 г., как и судьба всей наполеоновской империи, решилась на полях сражений, переставших быть счастливыми для прежнего «любимца Фортуны» – императора Наполеона.

Список литературы

1. АВПРИ. Ф. 133 («Канцелярия»).
2. Буриенн Л.-А.-Ф. Записки г. Буриенна, государственного министра, о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1835. Т. 5. 375 с.

■ История

---

3. Внешняя политика России XIX – нач. XX в. Сер. I: 1801–1815. Т. VII. М., 1970. 872 с.
4. Война 1813 г. Материалы ВУА. Т. I. Петроград, 1914. 423 с.
5. История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 2. 591 с.
6. История Франции в трёх томах. Т. 2. М., 1973. 663 с.
7. Карлейль Т. Французская Революция. История. М., 1991. 575 с.
8. Оже И. Из записок (1814–1817) / Русский архив, 1877. Т. 1–2. С. 50–51.
9. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА.
10. Россия и Швеция: Документы и материалы, 1809–1818. М., 1985. 572 с.
11. Сироткин В.Г. Изгнание и смерть Наполеона / Новая и новейшая история. 1974. №4. С. 173–183.
12. Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 2009. 362 с.
13. Béhaine L. La Campagne de France III. L'invasion. Paris, 1935. 222 p.
14. Correspondance de Napoléon I. Vol. XXV, 575 p., Paris, 1867; Vol., XXVII, Paris, 1868. 503 p.
15. Dufraisse R. La France napoléonienne. Aspects extérieurs, 1799-1815. Paris, 1999. 334 p.
16. Koch F. Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. Paris, 1819. Vol. 2. 227 p.
17. Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. Vol. 2. Paris, 2004. 681 p.
18. Lettres inédites de Napoléon I. Paris, 1897. Vol. II. 339 p.
19. Mémoires du chancelier Pasquier. Vol. II. Paris, 1894. 458 p.
20. Pigead A. L'armée de Napoléon, 1800–1815. Organisation et vie quotidienne. Paris, 2000. 366 p.

Об авторе

Могилевский Николай Алексеевич – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории факультета Международных отношений МГИМО МИД РФ. E-mail: melikrat@gmail.com.

«UNCLEAR ENEMY»: WHY THE GUERRILLA WAR IN FRANCE IN 1814 HAS FAILED

N.A. Mogilevskiy

Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

Abstract: *Author of the article analyzes the reasons of the fail of Napoleon's attempts to set the guerrilla war in France during the campaign of 1814. While the forces of anti-Napoleonic coalition were standing near the border of France, Napoleon did his best to recruit his new army. But the human resources of France were exhausted, and that's why Napoleon decided to set the guerrilla. But all his proclamations and even his orders were disobeyed – French people were too tired of incessant war, and Napoleon again decided to gain his goals on the battlefield.*

Besides author shows great efforts of Russian headquarters to avoid the guerrilla war. Alexander I and his allies in their proclamations declared that they were fighting only with Napoleon, but not with the French nation. That tactic gave a brilliant result and helped to avoid the patriotic uplift in France in 1814. In this propagandistic war Napoleon was defeated and that cost him his throne.

The reasons of Napoleon's fail, firstly, was the unclear image of the enemy. French emperor didn't manage to unite French nation against the rival. On the contrary the French Emperor, his enemies managed (in their proclamations and personal conversations) to persuade the French people, that the allies had one enemy — the Emperor Napoleon, not the French nation, and the ultimate goal of war – to set peace on the European continent. That was exactly how the allies did set the disunity between Napoleon and his people. Ultimately, the combination of these factors was the reason that a guerrilla war never broke out in France.

Key words: Napoleon I, Alexander I, France, anti-Napoleonic coalition, guerrilla, patriotic uplift.

References

1. AVPRI. F. 133 («Kanceljarija»). (Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fond Chancellery).
2. Burienn L.-A.-F. Zapiski g. Burienna, gosudarstvennogo ministra, o Napoleone, direktorii, konsul'stve, imperii i vosstanovlenii Burbonov. SPb., 1835. Т. 5. 375 p. (Bourrienne L.-A.F. de. Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. SPb., 1835. Vol. 5. 375 p.).

3. Vneshnjaja politika Rossii XIX – nach. XX v. Ser. I: 1801–1815. T. VII. M., 1970. 872 p. (Russia's foreign policy of the XIX-beginning of the XX centuries. Ser. I: 1801–1815. Vol. VII. M., 1970. 872 p.).
4. Vojna 1813 g. Materialy VUA. T. I. Petrograd, 1914. 423 p. (1813 year's war. Documents of the military-scientific archive, Vol. 1. Petrograd, 1914. 423 p.).
5. Istorija XIX veka. Pod redakciej professorov Lavissa i Rambo. M., 1938. T. 2. 591 s. (History of the XIX century. Under editorship of the professors Laviss and Rambo. M., 1938. Vol. 2, 591 p.).
6. Istorija Francii v trjoh tomah. T. 2. M., 1973. 663 s. (History of France in three volumes. Vol. 2. M., 1973. 663 p.).
7. Karlejl' T. Francuzskaja Revoljucija. Istorija. M., 1991, 575 s. (Carlyle T. French revolution, a history. M., 1991. 575 p.).
8. Ozhe I. Iz zapisok (1814–1817) / Russkij arhiv, 1877. T. 1–2. S. 50–51. (Auger H. Les notes (1814–1817) / Russian's archive. 1877. Vol. 1–2. P. 50–51).
9. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F.VUA. (State military-scientific archive of Russia. Fond of the military-scientific archive).
10. Rossija i Shvecija: Dokumenty i materialy, 1809–1818. M., 1985. 572 s. (Russia and Sweeden: documents and materials. 809–1818. M., 1985. 572 p.).
11. Sirotkin V.G. Izgnanie i smert' Napoleona / Novaja i novejsaja istorija. 1974. №4. S. 173–183. (Sirotkin V.G. Napoleon's exile and death / Modern and lates history. 1974. № 4. P. 173–183).
12. Tjular Zh. Napoleon, ili mif o «Spasitele». M., 2009, 362 s. (Tulard J. Napoléon ou Le mythe du sauveur. M., 2009. 362 p.).
13. Béhaine L. La Campagne de France III. L'invasion. Paris, 1935. 222 p.
14. Correspondance de Napoléon I. Vol. XXV, 575 p., Paris, 1867; Vol., XXVII, Paris, 1868. 503 p.
15. Dufraisse R. La France napoléonienne. Aspects extérieurs, 1799-1815. Paris, 1999. 334 p.
16. Koch F. Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. Paris, 1819. Vol. 2. 227 p.
17. Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. Vol. 2. Paris, 2004. 681 p.
18. Lettres inédites de Napoléon I. Paris, 1897. Vol. II. 339 p.
19. Mémoires du chancelier Pasquier. Vol. II. Paris, 1894. 458 p.
20. Pigead A. L'armée de Napoléon, 1800–1815. Organisation et vie quotidienne. Paris, 2000. 366 p.

About the author

Nikolay A. Mogilevskiy – PhD in History, associate professor of the world and patriotic history department of Moscow State Institute of international relations (MGIMO). E-mail: melikrat@gmail.com.